

— Господа балалайки, опять отвлекаетесь? — улыбается в бороду Игорь Николаич.

Он всегда улыбается. Очень улыбочивый человек. Мы смотрим на него и тоже улыбаемся.

Мы — это оркестр народных инструментов «Струны Севера». В нашем оркестре, конечно, не только струны имеются. Есть и кнопки. Ну, в смысле — баяны. И чипсаны есть, это уже духовые. Такой небольшой инструмент с разными трубочками. В эти трубочки дуешь, дуешь — а потом башка кружится. Я один раз так чуть не упал.

Мы играли «Зырянку», коми народную песню, потом закончили с дружным криком: «Ух!» — и зал как заплодирует!

Игорь Николаич, улыбаясь, раскланялся — и нам рукой показывает: подымайтесь, мол, поклонитесь, заслужили ведь аплодисменты тоже...

Мы поднялись, и тут у меня башка ка-ак закружится!
Всё чипсаны проклятые! Я Степе о них когда рассказал,
он переспросил удивленно:

— Чипсы? Вы что, на чипсах там играете?!

— Да не чипсы, — говорю, — а чипсаны!

Степа — это мой друг. Мы с ним с детского сада вместе. И живем в одном дворе, только он — в доме напротив.

Мама меня в первый раз когда в детский сад привела, я все орал: «Домой! Домой!» Так и страдал в этом садике весь день. Не ел толком, не спал, только плакал. По маме скучал. Я еще, главное, сперва-то не понял, что она ушла. Вообще не понял, куда привели. Пошел как дурак к детям в группу. А мама рассказывала — ей Виктория Олеговна, воспитатель, тихо говорит:

— А теперь — бегите!

Ну мама и убежала.

Я оборачиваюсь — мамы нет.

Я спрашиваю удивленно:

— А где мама?

— Мама вечером придет, а ты тут с детками пока поиграй, а скоро кушать будем, — Виктория Олеговна говорит.

Тут до меня дошло — я ка-ак заорю: «Домо-ой!»

Ну, потом немного успокоился, сидел в углу и плакал.

Тут-то Степа ко мне и подошел. И спрашивает:

— Ты чего плачешь?

Я всхлипываю:

— Ма-а-ама... До-о-омой...

Он говорит:

— Так мама скоро придет же. И моя тоже. Не плачь. Пойдем, я тебе своих человечков покажу. Тебя как зовут? Меня — Степа.

Ну и как-то постепенно я успокоился. Пошел с ним его человечков смотреть.

Так с тех пор и дружим. Только Степа — не музыкальный, к сожаленью... А у меня почти с рождения способности. Мама рассказывает, я еще в животе у нее танцевал, если музыка звучала.

Ну и слух у меня абсолютный. Это маме ее знакомая сказала. Мама работает в культурной сфере, и знакомые у нее поэтому тоже в основном культурные. И вот у нее есть знакомая певица, Купцова. Она в ресторане пела много лет, но так-то страшно культурная, с высшим музыкальным образованием. Она сперва преподавала в музыкальной школе, а потом ушла, потому что там диктат: все требуют — и директор, и родители учеников, и вообще. И никакой свободы творчества. А в ресторане, наоборот, полная свобода. Правда, в девяностые, рассказывала, в ресторане можно было и пулю в лоб получить.

Ну, время такое было. У нас вообще город бандитский, потому что сперва тут зона появилась, а потом уже вокруг

нее город построили. Чтобы уголь добывать. Ну и всегда много было бандитов поэтому. Конечно, заключенные у нас сидели разные. Например, мои прадедушка с прабабушкой — очень хорошие были и ни в чем не виноватые. Тогда много хороших людей сидело. Но и бандитов немало, конечно, тоже.

И в городе поэтому разные группировки были преступные. И взрослые, и детские причем. Папа рассказывал:

— Я в детстве ужас как боялся ездить в другие районы! Особенно во второй.

У нас просто есть город, а есть еще три его района. И вот во второй район особенно опасно было ездить. Если местных встретишь — они сразу арматурой по башке!

— Да, вот ребята, кто из города, и не ездили в районы. А районные, наоборот, в город, — рассказывал папа, стараясь, чтобы получалось забавно, но видно было, что до сих пор страшно неприятны ему эти воспоминания. — И когда все-таки те и другие встречались — такие битвы происходили, кошмар просто! Вот эти длинные палки, арматура-то, — по рукам друг другу, по ногам, по головам... Где они эту арматуру брали, до сих пор не пойму... В общем, жуть, — продолжал папа. — Но иногда и в своем районе огрести было можно.

— Почему в своем? — спрашивал я.

— Ну, мало ли почему. Допустим, деньги забирали. Со мной часто такое случалось. Сейчас тоже, конечно, не без этого... — и папа беспокойно косится на меня. Понимаю, что хочет спросить: не сталкивался ли я с чем-то подобным.

Я знаю, что папа очень переживает за меня и очень боится всякого криминала. Это у него, видно, как раз с детства такой страх.

Я спешу его успокоить:

— Нет, у меня деньги не забирали.

Хотя у нас тоже всякие встречаются. И в школе, и на улице. И вообще город наш «умирает». Ну, в смысле, очень много народу отсюда уезжает каждый год. Особенно в последнее время. И дома оставляют, прямо целыми улицами иногда...

И стоят они пустые. Пустые холодные дома с разбитыми стеклами... Много-много домов повсюду. В них иногда селятся бомжи. И мама мне запрещает в такие дома залезать. Но мы однажды все-таки со Степой потихоньку влезли в один пустой дом. Поднялись по лестнице на второй этаж, там была квартира открытая. И мы, хоть и боялись, конечно, — мало ли, вдруг бомж или маньяк какой! — но все-таки вошли. Степа кого угодно уговорит на что угодно!

И мы ходили по пустым комнатам туда-сюда. По скрипучему полу. Зашли на кухню, там печка даже была!

То есть — с печками у нас квартиры раньше были, ничего себе.

Потом вернулись в большую комнату. Там было почти совсем пусто, только на полу — обрывки газет и фотографии какие-то.

Мы поднимали эти мятые черно-белые снимки, разглядывали...

А потом Степа мне одну фотку сует и говорит тихо:

— Смотри.

Я смотрю. Девочка какая-то. В шубе, на улице, и даже по фото видно, как ей холодно, но все равно улыбается.

Я говорю:

— И что?

А Степа:

— Красивая...

Я говорю:

— Ну да. Такая себе.

— Ничего ты не понимаешь в женской красоте, — Степа обижается.

— А ты понимаешь, конечно! — говорю я.

Степа все смотрит на девочку в шубе.

— Красивая, — повторяет он. — Интересно, что с ней теперь? Где она вообще?

— Ну, фото черно-белое, — говорю я. — Так что дело очень давно было, скорее всего. А тебе зачем?

— Ну, так, — Степа краснеет. — Может, она не совсем уехала. Может, просто в новый дом переехала, который не аварийный. И я ее встречу когда-нибудь.

Нет, ну Степа, конечно, друг отличный, но какой же он иногда наивный, с ума сойти!

Я говорю:

— Так даже если встретишь — ты ее не узнаешь!

— Почему это? — обижается Степа и, вздыхая, все глядит на фото: — Я ее всегда узнаю...

— Так ей лет, наверно, уже пятьдесят!

Степа с ужасом, непонимающе смотрит на меня. А я, улыбаясь, на него. Потом до него, наконец, доходит. Бедный Степа мрачнеет.

— Ну и что, а я все равно ее узнаю! — наконец упрямо говорит он, осторожно прячет фото в карман пальто. — Подойду к ней — и скажу: здравствуйте! Вот ваше фото в детстве! И подарю ей это фото. И она себя узнает сразу, и скажет мне спасибо, что я сохранил для нее такой важный исторический документ!

Степа, конечно, фантазер ужасный... И чувствительный тоже ужасно... Но, может, он этим мне и близок, потому что я тоже фантазер, и тоже чувствительный. Особенно когда музыку хорошую слышу.

Может, это еще и потому, что у меня абсолютный слух. Так сказала мамина подруга, певица Купцова, я уже

говорил... Я, когда поменьше был, любую мелодию мог напеть, а иногда даже и на пианино подобрать! Хотя нот почти не знал еще тогда. У мамы в Доме культуры в зале пианино стоит, и я на нем подбирал одним пальцем... Пока меня однажды вахтерша Тамара Павловна не выгнала из зала.

— Тут тебе что, консерватория? Сломаешь инструмент, а мне отвечать! — закричала Тамара Павловна. И выгнала. И с тех пор я больше к тому пианино не приближался. И вообще обиделся на Тamarу Павловну. Почему она решила, что я непременно должен сломать инструмент? Я же так аккуратно играл!

— Не дуйся на Тamarу Павловну, — сказала мама. — Она женщина пожилая, одинокая.

— Так если она пожилая-одинокая, значит, ей можно на меня кричать? — хмуро спросил я.

— Нельзя, конечно, — мама вздохнула. — Кричать никому ни на кого нельзя. Но — будь мудрее... Будь выше. Не обращай на нее внимания.

И я решил быть мудрее. И выше. И не обращать на нее внимания. Поэтому больше с ней не здороваюсь.